

Научная статья
УДК 111.1
doi: 10.17223/15617793/477/7

Новый реализм: идеи и границы

Евгений Владимирович Попов¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, evgeniipalamodov@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка приблизительной картографии концепций философского реализма, которые не входят в корпус идей спекулятивного реализма. Текст реконструирует идеи четырех философско-реалистов – Жослина Бенуа, Линн Бейкер, Маурицио Феррариса и Маркуса Габриэля. При этом выделяются ключевые моменты той или иной концепции, описываются интеллектуальные истоки возникновения философского подхода. Доказывается тезис о том, что рассмотренные в тексте статьи философско-реалистов, не работающих в рамках спекулятивного подхода, могут быть объединены в течение Нового реализма.

Ключевые слова: реализм, Ж. Бенуа, Л. Бейкер, М. Феррарис, М. Габриэль

Для цитирования: Попов Е.В. Новый реализм: идеи и границы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 67–73 doi: 10.17223/15617793/477/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/7

New Realism: Ideas and limits

Evgeniy V. Popov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, evgeniipalamodov@mail.ru

Abstract. This article is an attempt at a rough cartography of the concepts of philosophical realism that are not part of the corpus of ideas of speculative realism. The author reconstructs the ideas of four realist philosophers, Jocelyn Benoist, Lynn Baker, Maurizio Ferraris, and Marcus Gabriel; highlights the key points of one or another concept; outlines the intellectual origins of the emergence of the philosophical approach; and proves that the philosophers in question represent a philosophical current. The author tries to solve the problem of disunity that exists within this current of philosophical thought. The disunity lies in the fact that the works of Benoist and Gabriel, or Baker and Ferraris are seen as independent and not bound by the same program intention. Moreover, sometimes leading non-mainstream (new) realists themselves cannot understand who can be assigned to their camp (the example of Benoist, who did not participate in any conference of new realists and did not publish his articles in any collection of new realists, is remarkable). In addition, there is a bias within the Russian philosophical community that elevates speculative realists to a cult and leaves new (non-mainstream) realists off the topical agenda. The solution to this disunity is proposed through a theoretical reconstruction of the approaches of the previously mentioned authors (Benoist, Gabriel, Baker, and Ferraris), which explicates the origins of the philosophical concept (the corpus of authors and texts on which the realist approach is based), the basic theses, the categorical apparatus and the relationship of concepts within the approach. The use of the above method of reconstruction makes it possible to prove the thesis that the realist philosophers considered in the text of the article, who do not work within the speculative approach, can be united into the current of New (Non-Mainstream) Realism. The conclusions obtained by using the method of reconstruction of philosophical ideas show that all the projects discussed in the article develop as a critical response to some established language of philosophy – phenomenology (as in the case of Benoist and his contextual realism), constructivism and correlationalism (as in the case of the new transcendental realism of Ferraris), anti-realism (as in the case of the neutral realism of Gabriel), naturalism and physicalism (as in the case of the practical realism of Baker). The author also notes that within the New (Non-Mainstream) Realism two directions of theorizing can be distinguished – artifactual (Ferraris and Baker) and contextual (Gabriel and Benoist). In addition, this article can be seen as a compendium of the key ideas of Non-Mainstream (New) Realism, which allows to some extent a stronger popularization within the Russian philosophical community of the ideas of New Realism and inspiration for research in this field.

Keywords: realism, Jocelyn Benoist, Lynn Baker, Maurizio Ferraris, Marcus Gabriel

For citation: Popov, E.V. (2022) New Realism: Ideas and limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 67–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/7

Постановка проблемы

В рамках данной статьи предлагается наметить границы и основные идеи такого направления философской мысли, как реализм. При этом данный текст

сосредоточивается не на популярном направлении «спекулятивный реализм», ключевые авторы которого большими тиражами переведены на русский язык, а на менее популярных в России вариантах этого течения. Так, в рамках статьи мы постараемся реконстру-

ировать философские реализмы таких авторов, как Ж. Бенуа, Л. Бейкер, М. Феррарис и М. Габриэль. Необходимость такой картографии возникла в связи с тем, что в русскоязычных источниках наблюдается дисбаланс при описании направления философского реализма. Так, сборник под редакцией В. А. Лекторского [1] строится как компендиум магистральных идей реализма, но из упоминания современных философов в этом сборнике есть лишь ссылки на М. Феррариса. В то же время за три года до выпуска сборника в журнале «Философия и социальные науки» в России выходит статья Игоря Прись о реализме французского философа Жослина Бенуа [2. Р. 32–36]; в 2011 г. текст на русском языке философа-реалиста Линн Бейкер [3. С. 55–63]; в 2017 г. на русском языке публикуется текст Маркуса Габриэля [4].

Все это свидетельство того, что русскоговорящее философское сообщество не обладает на данный момент обобщенным представлением о том, как развивается философский реализм за пределами популярного течения спекулятивного реализма в менее известных направлениях. Поэтому данная статья – это попытка обрисовать границы, чтобы инспирировать интерес к исследованию не только популярных спекулятивных, но и не-мейнстримных реалистов (о течении не-мейнстримных реалистов (Бенуа, Феррарис, Габриэль) в одном из своих текстов говорит Глория Ориджи (G. Origgi), философ из Национального центра научных исследований в Париже) [5].

Контекстуальный реализм Жослина Бенуа

Свой реализм Бенуа развивает как противовес феноменологическому подходу Э. Гуссерля (E. Husserl), используя аспекты философии Л. Витгенштейна (L. Wittgenstein) времен философских исследований. Бенуа не устраивает то, как в философском дискурсе воспринимается тезис Гуссерля о том, что основной метод феноменологии – это метод приведения примеров, когда для того, чтобы понять цвет купюры, необходимо увидеть название цвета и его визуальное представление (пример). Ссылаясь на Мерло-Понти (M. Merleau-Ponty), Бенуа пишет, что тот или иной пример является стандартизированным и не может в дальнейшем помочь в достижении настоящего феномена, с которым феноменология должна иметь дело [6. Р. 414]. Развивая свою критику, он обрушивается и на теорию тропов, согласно которой каждый объект в мире состоит из тропов того или иного характера. Для того чтобы сказать, что два объекта – десятирублевая купюра и ёлка – имеют окраску зеленого цвета, нужно объявить, что каждый из них имеет троп зелености в своем составе, который может отличаться по насыщенности и плотности. Наличие зелености в составе (вне зависимости от количества этой зелености) позволяет отнести тот или иной объект к тропу «зеленый». Бенуа именуется такой метод рассмотрения объектов конкретизацией (instantiation). В противовес феноменологическому методу «приведения примеров» и в противовес «конкретизации» (instantiation) Бенуа формулирует свою позицию. Начинает он с то-

го, что пересматривает содержание абстрактного феноменологического примера – это содержание не должно быть отныне чем-то общим, это должна быть часть конкретной данности [6. Р. 417]. В пример Бенуа приводит случай с банкой чернил. Чернила в банке выглядят действительно черными – черность ли это? Да, это без сомнения черность. Но чернила могут изменить свою черноту, если мы прольем их на пол или заправим ими шариковую ручку. В первом случае они будут черными, а во втором уже синими. Получается, имеется один черный, один менее черный и один синий цвета? Ортодоксальный феноменолог, по мнению Бенуа, ответил бы: «Да, все это черные цвета», конкретизатор (instantiation) говорил бы о степенях черности, но Бенуа предпочитает говорить о контексте, в котором тот или иной объект получает свою концептуальную основу как черный цвет чернил в банке, черный цвет пролитых чернил, синий цвет чернил на бумаге. Именно поэтому мы и решили определить его реализм как контекстуальный. Хотя в своей работе 2014 г. И. Прись и именуется этот реализм интенциональным [2. Р. 34–36], но впоследствии в своей книге 2020 г., где он опирается на работы Бенуа, использует понятие «контекстуальная онтология» [7, 8].

Идея контекстуального реализма Бенуа заключается в том, что содержание того или иного концепта, например концепта мужества, не может быть раз и навсегда законсервировано и описано как смелость в бою и т.п. Концепт мужества каждый раз переформулируется в зависимости от контекстуальных факторов. Здесь Бенуа проводит прямые параллели с витгенштейновской идеей о языковых играх, в рамках которых содержание того или иного термина устанавливается группой в зависимости от той или иной языковой игры, которую они приводят в жизнь. Бенуа формулирует свой контекстуальный реализм следующими словами: «...не существует концептов, не зависящих от использования, и нормативности, которая, по сути, принадлежит этим понятиям» [6. Р. 421]. Бенуа имеет в виду, что определение того или иного концепта зависит от набора его употреблений в реальности.

Отдельно Бенуа останавливается на возможности соединения концепта и реальности. Он считает, что идея «соответствия» концепта какой-то части реальности не может быть использована в реалистической философии, так как она изымает реальную жизнь из поля онтологического исследования. Вместо этого Бенуа устанавливает критерий адекватности. Адекватность понимается им как термин, означающий некую качественную характеристику, оценивающую степень соответствия концепта и контекста. При этом Бенуа эксплицитно это не описывает, но очевидно, что адекватность базируется на интуиции (предыдущем опыте) [2. Р. 33].

Так, ключевыми идеями контекстуального реализма Ж. Бенуа являются контекст и адекватность. Контекст как категория позволяет эксплицитно то, как употребление или практика использования формулирует концепты, создавая горизонт их смысла. В то же время адекватность выступает в процессе формулирования концептов как менее структурированный и бо-

лее приближенный к человеческому опыту критерий соответствия, который создает не образец концепта, но образец ситуации его использования. Подытоживая, можно сказать, что контекстуальный реализм – это попытка вернуть феноменологию в мир данности путем изъятия ее из мира абстракций (стоит отметить, что изначально Бенуа аффилировал себя с феноменологическим лагерем, но затем, критически переосмысливая феноменологию, стал эксплицитно себя позиционировать как реалиста [2. Р. 35]). Особо стоит отметить, что контекстуально-реалистический анализ Бенуа работает не на уровне языка, но на уровне концептов.

Практический реализм Линн Райдер Бейкер

Для практического реализма Бейкер характерны два ключевых концепта – первичный вид (primary kind) и конституция (constitution). Философия Бейкер – это ее ответ на три устоявшихся ограничения реализма. Первое из них – это независимость естественных объектов от человеческого влияния (mind independence). По мнению Бейкер, артефакты точно так же могут обладать внутренней независимостью – например самонаводящаяся ракета может выбирать цели и отклоняться от нее [3. С. 58]. Второе ограничение – это редуцирование естественных объектов из физики (deducibility from physics). Бейкер выступает против точки зрения, согласно которой все вопросы о любви, целях, морали имеют одну простую реакцию – этих феноменов не существует, это просто иллюзии [9. Р. 145–155] (в более простой форме можно сказать, что Бейкер выступает против фальсификационизма К. Поппера, согласно которому такие феномены, как либидо или народный дух, не могут существовать, так как нельзя их фальсифицировать). Такой подход к реализму, по мнению Бейкер, исключает из сферы анализа реальность, оставляя человека на грани примитивной формы жизни [9. Р. 145]. Третье ограничение, против которого выступает практический реализм, – это тезис о том, что все онтологические дискуссии должны вестись в рамках тарскианского языка («Tarskian language») [9. Р. 147] (имеется в виду концепция истины Тарского (A. Tarski): «X истинно тогда и только тогда, когда р» [10. Р. 341–375]). Бейкер считает, что говорить о настоящей онтологии на языке Тарского просто невозможно. К примеру, «кровотечение истинно только тогда, когда из тела вытекает кровь». С точки зрения языка Тарского – это истинное выражение, которое можно верифицировать. Но проблемы начинаются тогда, когда мы говорим о внутреннем кровотечении, при котором врачам не видно крови, но они вынуждены выявлять наличие внутреннего кровотечения по вторичным признакам – повышенной температуре, обморочности и т.п.

Пытаясь освободиться от этих трех ограничений, Бейкер выстраивает свой практический реализм. «Практичность» такого реализма заключается в том, что исследовать предлагается не созданный изначально мир, но мир, с которым соприкасается человек через определенный набор практик. Основные концепты

реализма Бейкер – первичный вид (primary kind) и конституция (constitution). Каждый объект обладает своим первичным видом – то, из чего он в большинстве своем состоит. Объект прекращает свое существование, если из него изъять этот первичный вид. Человек – первичный вид, а Учитель – нет. Проверить это легко – человек может оставаться человеком, даже если из него вычест свойство Учитель, но человек прекращает свое существование, если из него вычест свойство Человек. Также первичный вид виртуально (т.е. потенциально, но не обязательно [11. Р. 29]) подразумевает то, какие изменения могут произойти с объектом. Эти изменения возможны в рамках той или иной конституции объекта. Конституция подразумевает, что когда несколько объектов первичного вида находятся в определенных обстоятельствах, может возникнуть новый объект, который будет находиться на более высоком онтологическом уровне, чем сумма его составляющих [9. Р. 151]. Также Бейкер предлагает определенную вариацию онтологического анализа – редуцировать объект до тех пор, пока не обнаружим несводимый далее первичный уровень. Отталкиваясь от этого уровня, можно говорить о дальнейших итерациях того или иного объекта и степенях онтологии. Собственно, можно говорить только о двух степенях онтологии – первичной и производной.

Таким образом, ключевыми концептами практического реализма Линн Бейкер являются первичный вид (primary kind), конституция (constitution) и артефакт. Под понятие первичного вида может подпадать как естественный объект, так и артефакт. Оба эти понятия имеют свои реалистические корни. Так, первичным видом естественного объекта может считаться атом, а первичным видом артефакта – камень (который затем развивается в молоток) или малую группу (которая затем может развиваться в социальный институт или государство). Конституция – это те физические и социальные/культурные (и другие) условия, которые влияют на развитие первичного вида (и на степени его онтологии). Например, особые условия позволили такому первичному виду, как производство (условно будем считать, что это первичный вид), развиваться в особый азиатский способ производства, в то время как производство в Европе эволюционировало в капиталистический способ производства. Концепт артефакта используется Бейкер для того, чтобы нивелировать влияние первого ограничения реализма и ввести в сферу анализа практику создания объектов и концептов людьми. С помощью этих положений (первичный вид, конституция и артефакт) Бейкер стремится выйти за пределы позитивистского и неопозитивистского видения научной реальности и вернуть в сферу исследования реальное бытие.

Новый (трансцендентальный) реализм М. Феррариса

В одной из своих работ Феррарис именуется свой подход трансцендентальным реализмом. Это связано с тем, что в его основе заложен реалистический тезис – наблюдатель наблюдает что-либо отличное и независимое от него самого [12. Р. 221]. Этот тезис, по мне-

нию Феррариса, реалистичен, так как предполагает реальность (надматериальную), отличную от знания как такового [12. Р. 222]. Трансцендентальность этого тезиса кроется в том, что реальность необходима как условие возможности любого знания. Если знание не ссылается на что-то помимо познающего субъекта, то такие категории, как субъект, объект, онтология, вовсе не имеют смысла.

Свою реалистическую философию он строит на основании критики конструктивистских подходов объяснения. Первое, на что он обращает внимание, – проблема корреляционизма. Решение данной проблемы Феррарис находит в опровержении ключевого тезиса корреляционизма – объекты существуют только в корреляции со своими субъектами. Для Феррариса логичным видится, что для установления этой корреляции необходимым и достаточным условием является факт конструирования объекта посредством мысли (исследование Б. Латура (B. Latour) о Пастере и поиске спор сибирской язвы). Но в мире есть много доказательств того, что какой-либо объект нельзя изменить только силой мысли – следовательно, ложно, что объекты каузально зависят от своих субъектов [12. Р. 221]. Так, например, только через интеллектуальные усилия человеку не под силу изменить последствия ядерных разработок.

В процессе разработки своей реалистической философии Феррарис также рассматривает проблему соотношения внутреннего и внешнего миров. В этой связи реализм связывается с проблемой внешнего мира как референции – без наличия внешнего мира субъекта сам термин реальность терял бы смысл. Без референции к внешнему миру нельзя было бы отличить процесс восприятия от обычной галлюцинации. Но такое рассмотрение внешнего мира очень схоже с бытовым пониманием термина «онтология» (все сущее). В этой связи Феррарис предлагает понимать под внешним миром не совокупность физических и природных факторов, но сферу того, что поддается объяснению [12. Р. 224] (важный аспект того, как Феррарис рассматривает соотношение эпистемологии и онтологии). Что может поддаваться объяснению (быть внешним миром)? То, о чем есть какие-либо представления или общие сведения. Какие-либо представления или общие сведения – это онтология? Да. Но может быть, это эпистемология? Скорее всего, тоже да. Развивая эту мысль, Феррарис показывает, что природные и идеальные объекты не зависят напрямую от человеческих представлений, но в то же время отмечает, что социальные артефакты напрямую конструируются человеческой мыслительной деятельностью. Как это становится возможным? Ответ – документирование. Документирование – это то, как схема интерпретации превращается в объект-сам-по-себе [13. Р. 74]. Например, устный свод законов – как вариация эпистемологии – может быть вмонтирован в жизненные практики той или иной совокупности людей, но как только этот свод законов приобретает материальное измерение (когда он пишется на бумаге) – онтологию – он становится сам-по-себе-объектом, отличным от тех практик, которые он обуславливает.

Феррарис формулирует ключевой тезис своего реализма, согласно которому эпистемология появляется из онтологии [12. Р. 225].

Главным условием любой эпистемологии является онтология – если бы не было людей, которые стояли у истоков государства, то не была бы создана конституция, которая является эпистемологической рамкой всех юридических отношений в рамках страны. Но как происходит в данном случае трансфер эпистемологии в онтологию (конструирование внешнего мира)? Главным средством такого трансфера, согласно Феррарису, является процесс документирования. Сам этот процесс является онтологическим и природным (например, Феррарис пишет о генетическом коде, который «вписан в ДНК»).

Главный аргумент Феррариса в поддержку его позиции о том, что эпистемология является функцией онтологии, заключается в том, что только в сфере онтологии можно наблюдать проявление эмерджентности [14. Р. 157] и казуальности, в то время как в эпистемологии структурирование и контроль (со стороны ученых или политиков) нивелируют возможность появиться чему-то новому и случайному без соответствующих указаний от тех, кто контролирует эпистему.

Так, ключевыми положениями нового (трансцендентального) реализма Феррариса являются его тезис о зависимости эпистемологии от онтологии, а также ключевая роль процесса документирования в их взаимоотношении. Подчиненная роль эпистемологии позволяет Феррарису не только ослабить степень влияния конструктивизма, но и превратить его из противника в друга – в то, без чего невозможна полноценная онтология (не чисто натуралистическая). Таким образом, реалистичная философия Феррариса – это попытка ослабления корреляционизма и конструктивизма, которая дает возможность безболезненного перехода от постмодернистского способа философствования к новому языку.

Нейтральный реализм Маркуса Габриэля

Нейтральный реализм, по мысли Габриэля, опровергает философские дискуссии о том, что реализм должен рассматриваться в контексте вопроса о внешнем мире (см., например, тезисы М. Феррариса) и постулирует положение вещей, согласно которому не существует множества различных онтологических областей, но существует множество областей дискурса и способов мышления [15. Р. 182]. Этот шаг позволяет Габриэлю отделить реализм от натурализма, так как делает философию Габриэля безразличной к любой метафизической приверженности существованию целокупности объектов или к миру (как миру природному) [16. Р. 217].

Один из столпов нейтрального реализма – аргумент о фактичности. Данный аргумент демонстрирует, что определенный реализм по своей природе необходим, а также, что у философа нет изначальных аргументов, которые бы позволяли отнести ту или иную область к реалистичной, а другую к нереалистичной. Аргумент о фактичности в конечном счете показыва-

ет, что каждая позиция в какой-то момент должна соответствовать реалистическим требованиям. Как пишет Габриэль, данный аргумент в своем изначальном виде имеет следующий вид: если бы даже самая крайняя версия антиреализма – солипсизм – была истинной, нельзя было бы с полной уверенностью опровергнуть реалистическую точку зрения, так как истинность солипсизма оставляет, по крайней мере, один абсолютный факт в качестве остатка [15. Р. 185; 17]. При этом Габриэль оперирует максимально узким понятием факта – под фактом он понимает то, что является истинным для чего-либо (намекая на нейтральность). Чтобы обосновать нейтральный тезис, Габриэль обращается к аргументу об онтологическом плюрализме. Онтологический плюрализм, в понимании Габриэля, это положение дел, согласно которому наличествуют различные регионы объектов. Различия между данными регионами проходят по линии «объективных критериев идентичности», описывающих объекты как принадлежащие к определенному региону или не принадлежащие. Такой критерий именуется Габриэлем «чувством», а предметные регионы – «полями смысла». Необходимость онтологического плюрализма Габриэль находит в идее концептуальной относительности Х. Патнэма (H. Putnam) [18], которую он переформулирует как Аллегория кубов. Как итог, Габриэль выступает за то, что описания реальности человеком так же реальны, как и то, на что направлены эти описания.

Таким образом, нейтральный реализм Маркуса Габриэля строится на аргументе о фактичности – когда факт о том или ином положении дел сам по себе становится положением дел, и на аргументе об онтологическом плюрализме, согласно которому не существует привилегированного слоя реальности, который являлся бы критерием истинности того или иного объекта или его описания. В этой связи видится, что нейтральный реализм – это, скорее, методологическая установка, нежели полноценная философия, так как Габриэль не вводит особый категориальный аппарат, а также не формулирует какие-либо новые положения. Через формулирование нейтрального реализма Габриэль постулирует необходимость пересмотра конструктивистских и натуралистических тезисов, которые даже при полной проработке всех аспектов оставляют зазор для включения реалистической оптики.

Точки соприкосновения и расхождения

Для понимания не-мейнстримного реализма необходимым видится проведение сравнения описанных подходов с целью выделения схожих черт, а также их классификации. Классификаций существует большое количество [1], но не все они адекватно описывают то положение дел, которое нас интересует. В этой связи кажется, что классификации обладают ситуативной характеристикой и должны собираться и пересобираться в соответствии с особыми условиями исследования. К примеру, обращаясь к классификации Марио Де Каро (De Caro), выделившему три типа реализмов – онтологический, семантический и эпистемоло-

гический [19. Р. 198] – мы можем отметить, что подход М. Феррариса по своей природе является онтологическим (такой подход, по мнению Де Каро, описывает все вещи как реальные, при этом ссылаясь на внешний мир как причину этой реальности [19. Р. 198]), подходы Ж. Бенуа и М. Габриэля семантическими (такие подходы, как пишет Де Каро, определяют значение концепта теми условиями, при которых он является истинным, и для этого требуется реальность сущностей, к которым относятся эти концепты [19. Р. 198]), но в то же время ни один из рассмотренных нами подходов не может быть назван эпистемологическим.

Мы предлагаем рассмотреть реконструированные в данной статье реализмы по другим основаниям, а именно по двум осям – контекстуальной и артефактной. Ось контекстуальности располагает на себе такие реализмы, в рамках которых количество «реальностей» потенциально неограниченно, а основа того или иного объекта «реальности» формируется в соответствии с определенными контекстуальными условиями (используя терминологию Бенуа – в соответствии с «критерием адекватности», используя терминологию Габриэля – в соответствии определенного чувства определенному полю смысла). Проще говоря, те варианты реализмов, которые находятся на контекстуальной оси (контекстуальный реализм Бенуа и нейтральный реализм Габриэля), в своей основе имеют условие онтологического плюрализма. Это условие подразумевает, что необходимо отказаться от такого видения реальности, при котором объекты или концепты формируются и сразу же консервируются. Плюрализм подразумевает множественность объектов и множество вариаций объекта. Таким образом, главными точками соприкосновения контекстуального реализма Бенуа и нейтрального реализма Габриэля являются плюралистическая реальность, отсутствие фиксированности, а также влияние контекста на формирование той или иной нормы употребления (если мы говорим о реализме Бенуа) или понимания (если мы говорим о реализме Габриэля). В то же время стоит отметить, что реализмы, расположенные нами на контекстуальной оси, являются, скорее, методологическими реализмами. Это связывается с тем, что Бенуа и Габриэль не разрабатывают особых онтологий, не дополняют их особым категориальным аппаратом, но описывают условия, при которых возможно и необходимо проводить анализ реальности.

Вторая ось, по которой предлагается проводить различие не-мейнстримных реализмов, – это артефактная ось. К данной оси мы относим реализмы Феррариса и Бейкер, которые в рамках своих работ много внимания уделяют разработке концепта артефакта. В своих текстах Бейкер и Феррарис атакуют позиции натуралистического реализма, который стремится устанавливать примат естественных объектов над всеми остальными. Реализмы Феррариса и Бейкер в своей основе имеют тезис, согласно которому артефакт должен обладать фундаментальной неизменной (нередуцируемой) характеристикой, которая в дальнейшем определяет то, в какой степени и какими способами будет происходить

развитие и улучшение этого артефакта, если оно вообще предусмотрено. В реализме Бейкер за такое потенциальное развитие отвечает первичный вид, который реально и виртуально определяет то, как возможно развитие того или иного артефакта (через конституцию); в реализме Феррариса за это отвечает документирование, которое кристаллизует основные положения того или иного положения вещей, создавая из этого положения неизменный базисный факт, начинающий существовать по собственным онтологическим законам. Также отмечается, что оба эти концепта – первичный вид и документирование – содержат в себе элемент виртуальности. Виртуальность в данном случае следует понимать в том смысле, в котором о ней писали Делёз и Гваттари – как то, что потенциально, но не обязательно может произойти по причине изначальной вероятности происхождения [20]. В текстах Бейкер наличие виртуального модуса артефактов прямо прописано – это одна из важнейших характеристик взаимодействия концептов первичного вида и конституции, которая развивает объект первичного вида в артефакт, например. У Феррариса виртуальность эксплицитно не прописывается, но вычитывается между строк – в тех пассажах, где он описывает то, что эпистемология не может появиться раньше онтологии, так как она структурирована и не предусматривает спонтанных мутаций в отличие от онтологии, где есть место спонтанности и эмерджентности. Как нам кажется, в таких пассажах Феррариса защита виртуальность онтологии, которая наиболее заметна в отношении артефактов.

Сразу стоит оговориться, что предложенная в данном тексте вариация классификации рассмотренных реализмов не полностью определяет те отличия и те сходства, которые существуют между ними. Данная классификация требуется в тексте для того, чтобы нанести большие штрихи на карту не-мейнстримных реализмов, чтобы дать общее представление об этом способе философствования.

Таким образом, реконструированные в тексте статьи реализмы предлагается расположить на двух осях – контекстуальной и артефактной. На контекстуальной оси предлагается разместить подходы таких авторов, как Ж. Бенуа и М. Габриэль, которые включают в орбиты своих подходов положения об онтологическом плюрализме, влиянии контекста на формирование концептов и объектов, в то время как на артефактной оси – реализмы М. Феррариса и Л. Бейкер, которые включают в свои орбиты положения о неизменности базовой составляющей артефак-

та, а также о виртуальности. Еще раз отметим, что данная классификация не является полной, но она служит тем целям, которые были поставлены в начале данной статьи.

Заключительные примечания

Современная философская мысль в попытке вырваться из пут постмодернистского языка стремится возвращаться и пересматривать некоторые реалистические концепции [12. P. 215–232; 14. P. 145–160]. Наибольшего успеха на данный момент добились философы спекулятивного направления, книги которых в огромных количествах переводятся на русский язык, в то время как из упомянутых в данном тексте философов на русский переведены лишь книга М. Феррариса «Ты Где? Онтология мобильного телефона» и книга М. Габриэля «Я не есть мозг: философия духа XXI века».

Если о философах-спекулятивистах говорят как о группе (да и сами они себя описывают как группа, регулярно перечисляя имена друг друга), то о не-мейнстримных философах не говорят вообще или говорят как об атомизированных элементах, чьи философии не имеют никаких сходств. Кажется, что и сами эти философы еще не до конца определились, кого следует включать в свой лагерь, а кого нет. Так, например, на конференции о реализме в 2012 г., проходившей в Боннском университете (конференция была организована М. Гибриэлем), среди участников не наблюдалось, например, Л. Бейкер и Ж. Бенуа. И если данное недоразумение в отношении Л. Бейкер (к сожалению, в 2017 г. Л. Бейкер покинула этот мир) было ликвидировано в 2015 г., когда в тематическом выпуске журнала *The Monist* под редакцией М. Феррариса, посвященному реалистической философии, была опубликована ее статья о практическом реализме, то в отношении Ж. Бенуа недоразумение продолжает иметь место (он выглядит обособленным от течения не-мейнстримного реализма).

В этой связи видится необходимым собрать в один корпус философии не-мейнстримных реалистов, выделить их в особое течение философской мысли, выделить ключевые сходства и отличия. Конечно, представленная в данной статье картография не претендует на роль полноценной, но, как видится, это может быть лишь первым шагом на пути к исследованию и популяризации данного направления философской мысли.

Список источников

1. Перспективы реализма в современной философии : сб. тр. / ред.: В.А. Лекторский. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 446 с.
2. Pris Francois-Igor. On the New Philosophical Method and The New Realist Philosophy of Joscelin Benoist // *Philosophy and Social Sciences*. 2014. P. 32–36.
3. Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов // *Эпистемология и философия науки*. 2011. № 2. С. 55–63.
4. Габриэль М. Метафизика или онтология? Нейтральный реализм / пер. Д. Миронова. М. : Идея-Пресс, 2017. 127 с.
5. Origgi G. What's New About 'New Realism' // *The Berlin Review of Books*. URL: <https://berlinbooks.org/brb/2016/10/whats-new-about-new-realism/> (дата обращения: 12.12.2020).
6. Benoist J. Making ontology sensitive // *Continental Philosophy Review*. 2012. Vol. 45, № 3. P. 411–424.
7. Прись И.Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб. : Алетея, 2020. 346 с.
8. Rosenberg A. *The Atheist's Guide to Reality: Enjoying Life Without Illusions*. N.Y. : W.W. Norton and Company, 2011. 441 p.
9. Baker L. Ontology Down-to-Earth // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 145–155.
10. Tarski A. The Semantic Conception of Troth and the Foundations of Semantics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1944. Vol. 4, № 3. P. 341–375.

11. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь : Гиле Пресс, 2017. 170 с.
12. Ferraris M. Transcendental realism // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 215–232.
13. Ferraris M. A New Realist Approach to Hermeneutics // *Phainomena. Selected Essays in Contemporary Italian Philosophy*. 2012. Vol. 11, № 82–83. P. 67–83.
14. Феррарис М. Что такое новый реализм? // *Вопросы философии*. 2014. № 8. С. 145–160.
15. Gabriel M. Neutral Realism // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 181–196.
16. Gabriel M. *Fields of Science. A New Realist Ontology*. Edinburgh : University Press, 2014. 564 p.
17. Boghossian P. *Fear of Knowledge*. Oxford : Oxford University Press, 2006. 383 p.
18. Putnam H. *Ethics Without Ontology*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. 277 p.
19. De Caro M. Realism, Common Sense, and Science // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 197–214.
20. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. М. : Астрель, 2010. 895 с.

References

1. Lektorskiy, V.A. (ed.) (2017) *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [Prospects of Realism in Modern Philosophy]. Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya”.
2. Pris, F.-I. (2014) On the New Philosophical Method and The New Realist Philosophy of Joscelin Benoist. *Philosophy and Social Sciences*. pp. 32–36.
3. Baker, L. (2011) The Ontological Significance of Artefacts. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 2. pp. 55–63. (In Russian).
4. Gabriel, M. (2017) *Metafizika ili ontologiya? Neytral'nyy realizm* [Metaphysics or Ontology? Neutral realism]. Translated from German by D. Mironov. Moscow: Ideya-Press.
5. Origgi, G. (2016) What's New About 'New Realism'. *The Berlin Review of Books*. [Online] Available from: <https://berlinbooks.org/brb/2016/10/whats-new-about-new-realism/> (Accessed: 12.12.2020).
6. Benoist, J. (2012) Making ontology sensitive. *Continental Philosophy Review*. 3 (45). pp. 411–424.
7. Pris', I.E. (2020) *Kontekstual'nost' ontologii i sovremennaya fizika* [Contextuality of Ontology and Modern Physics]. Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Rosenberg, A. (2011) *The Atheist's Guide to Reality: Enjoying Life Without Illusions*. New York: W.W. Norton and Company.
9. Baker, L. (2015) Ontology Down-to-Earth. *The Monist*. 2 (98). pp. 145–155.
10. Tarski, A. (1944) The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. 3 (4). pp. 341–375.
11. DeLanda, M. (2017) *Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assamblyazhey i sotsial'naya slozhnost'* [A New Philosophy of Society: Assemblage theory and social complexity]. Translated from English by K.S. Mayorova. Perm: Gile Press.
12. Ferraris, M. (2015) Transcendental realism. *The Monist*. 2 (98). pp. 215–232. DOI: 10.1093/monist/onv007
13. Ferraris, M. (2012) A New Realist Approach to Hermeneutics. *Phainomena. Selected Essays in Contemporary Italian Philosophy*. 82–83 (11). pp. 67–83.
14. Ferraris, M. (2014) What is the new realism? *Voprosy filosofii*. 8. pp. 145–160. (In Russian).
15. Gabriel, M. (2015) Neutral Realism. *The Monist*. 2 (98). pp. 181–196.
16. Gabriel, M. (2014) *Fields of Science. A New Realist Ontology*. Edinburgh: University Press.
17. Boghossian, P. (2006) *Fear of Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
18. Putnam, H. (2004) *Ethics Without Ontology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
19. De Caro, M. (2015) Realism, Common Sense, and Science. *The Monist*. 2 (98). pp. 197–214. DOI: 10.1093/monist/onv006
20. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Translated from French by Ya.I. Svirskiy. Moscow: Astrel'.

Информация об авторе:

Попов Е.В. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
E-mail: evgeniipalamodov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Popov, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: evgeniipalamodov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.